ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.352.3:808.1”19”
ББК 83.3(2=Ады)6
А 76

Апанасенко О.П.
Аспирант кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: filfak-agu@mail.ru

Панеш У.М.
Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций, декан филологического факультета Адыгейского государственного университета, e-mail: filfak-agu@mail.ru

Эволюция жанровых форм историко-революционной прозы в национальной литературе 60 – 80-х гг. (на материале творчества адыгейских писателей Т. Керашева, А. Евтыха, И. Машбаша и др.)

(Рецензирована)

Аннотация:
Исследуются тематика, жанровые формы и структурно-стилевые особенности произведений Т. Керашева, А. Евтыха, Д. Костанова, И. Машбаша, оказавшие влияние на формирование историко-революционной прозы адыгейской национальной литературы 60 – 80-х гг. Выявляются такие черты искусства слова на новом этапе его развития, как усиление проблемности, эволюция жанра описательного, многопланового повествования, формирование социально-психологической повести и романа, концентрированных проблем, индивидуализированных, психологически емких характеров. Историко-социологический и сравнительно-типологический методы, используемые в работе, помогают исследовать творчество писателей в контексте философских и эстетических проблем современности и сформулировать выводы об особенностях нового этапа формирования национальной прозы, отражающие типологические особенности отечественного искусства слова. Полученные результаты вносят вклад в решение проблем, связанных с эволюцией литературного процесса, формированием жанров и стилей, могут быть применены при изучении истории отечественной литературы и разработке учебных пособий.

Ключевые слова:
Концепция личности, жанровые особенности, структурно-стилевые черты, усиление проблемности, многоплановое описательное повествование, социально-психологический роман, психологический анализ.

Apanasenko O.P.
PhD student of the Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: filfak-agu@mail.ru

Panesh U.M.
Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Mass Communications, Dean of the Faculty of Philology, Adyghe State University, e-mail: filfak-agu@mail.ru

The evolution of genre forms of historical and revolutionary prose in national literature of the 1960 - 1980s (based on the work of Adyghe writers T. Kerashev, A. Yevtykh, I. Mashbash, etc.)

Abstract:

This article examines the themes, genre forms and structural and style features of the works of T. Kerashev, A. Yevtykh, D. Kostanov, and I. Mashbash, which influenced the formation of historical and revolutionary prose of the Adyghean national literature of the 1960-1980s. The publication reveals such features of the art of word at a new stage of its development, such as the strengthening of problematicity, the evolution of the genre of descriptive, multi-aspectual narration, the formation of socio-psychological story and novel, concentrated problems, individualized, psychologically intensive characters. The historical, sociological and comparative-typological methods used in the work help to explore the work of writers in the context of philosophical and aesthetic problems of our time and formulate conclusions about the features of a new stage in the formation of national prose, reflecting the typological features of the domestic art of the word. The obtained results contribute to solving problems related to the evolution of the literary process, the formation of genres and styles, and can be applied in the study of the history of Russian literature and in the development of textbooks.

Keywords:

The concept of personality, genre features, structural-style features, strengthening of problematicity, multi-aspectual descriptive narration, socio-psychological novel, psychological analysis.

Движение к проблемному и эстетическому многообразию, ставшее особенностью «современного этапа» отечественного литературного процесса выразилось в адыгейском искусстве слова, прежде всего, в произведениях на «историко-революционную тему» [1: 157]. Углубление содержательного элемента и усиление аналитического начала приводят таких писателей, как Т. Керашев, А. Евтых, Д. Костанов, Ю. Тлюстен, И. Машбаш и др., к новым для них жанровым образованиям: нравственно-психологическая новелла («Последний выстрел» Т. Керашева), исторический роман, ориентированный на более полное изображение судьбы одного героя («Воз белого камня» А. Евтыха), широкое историко-революционное повествование с элементами романа-эпопеи («Мос Шовгенов» Д. Костанова) и др.

Перенос внимания с события на характер, концентрация внимания на внутреннем конфликте – такие типологически общие особенности становятся характерными и для поэзии М. Паранука, К. Жане, С. Яхутля, И. Машбаша, Х. Беретаря, Н. Куека и др. В этом плане заслуживает внимания то, что характерный мотив пробуждения масс, их стремления к активной общественной деятельности привел к появлению сходных по своему содержанию социально-нравственных конфликтов и близких друг другу по содержанию персонажей. В новописьменных литературах 30-40-х годов, в том числе адыгейской, образ такого героя формировался в несколько упрощенной, одновариантной форме. Персонаж, который по замыслу сам являлся активным участником исторических событий, должен был в яркой, образной форме отразить суть великого перелома в сознании простого человека. Но художественная картина зачастую превращалась в простое копирование того, что происходило в жизни.

Социально-психологический тип, определенный временем, занимает и в литературе 60-х гг. видное место, но со временем его облик значительно меняется. В некоторых случаях он уступает пространство противоречивому герою сложной судьбы, в которой отражается неоднозначная взаимосвязь между личностью и историей («Воз белого камня» А. Евтыха, «Тропы из ночи» И. Машбаша, «Неделимая доля» Х. Беретаря).

Попытки осмысления привычной социально-исторической проблематики на новом, современном уровне свидетельствовали о повороте к большей художественной правде, о стремлении отразить привычную тему глубоко, многосторонне и в обостренной форме. В высокоразвитых литературах такие тенденции проявились раньше. Перемены, безусловно, коснулись и адыгейской литературы. Эволюция жанровых модификаций и структурно-стилевых особенностей протекала здесь, как известно, под влиянием общих культурно-исторических событий нового времени, но с использованием собственных национальных традиций.

Роль литератур с опытом и устоявшимися принципами отражения проявляется в том, что своим влиянием они содействовали усвоению молодыми литературами типологических закономерностей общего художественного процесса. Надо полагать, что проза и поэзия новописьменных литератур шли во многих отношениях по разведанному пути. Но это не означает, что не могли появиться самобытные произведения, способные обогатить общий литературный процесс. В любом случае имело значение то, что формирование жанров осуществлялось в адыгейской литературе в достаточно определившихся типологических пределах идейно-художественного развития. Этим объясняется их достаточно быстрое движение к эстетической зрелости.

Возросшее идейно-художественное и жанрово-структурное многообразие адыгейской прозы и поэзии, как и всей отечественной литературы, было вызвано укреплением демократических традиций в 60-е гг., наметившимся раскрепощением воли и творческой энергии личности. Взаимодействие национальных литератур становится в это время также интенсивнее, что ведет не только к взаимному обмену традициями, но и к их «выравниванию». По общему убеждению, в 60 – 80-е гг. существенно обогащается качественное содержание литературного взаимодействия. Ч. Гусейнов замечает: «Если прежде преимущественно говорилось о влиянии зрелых литератур (и, прежде всего, русской) на литературы молодые и новые, то сегодня мы констатируем и такие влияния, как обогащение развитых литератур достижениями литератур, начавших свою историю лишь в советские годы» [2: 134–135]. Сложившееся единство братских культур превратилось, таким образом, в важнейший фактор развития.

Формирование отечественной прозы современного периода, отмеченное печатью значительного обновления, столкнулось в то же время с существенными затруднениями. Это определяется тем, что сама перестройка политической и культурной сферах общества проходила в ограниченной форме. Административная система «развитого социализма» смогла устоять, что, по словам М. Горбачева, «имело крайне негативные последствия для общества, которое в конце концов было доведено до состояния стагнации и поставлено на грань кризиса» [3]. Определенная переменами в обществе и продекларированная идея о «самоценном значении отдельной личности» оказалась потому в противоречии с догматизированными принципами социалистического реализма. С этим связано то, что литературный процесс продолжал испытывать на себе влияние идеологических решений

и поспешных выводов, что приводило к «социально-критическое направление» [4: 240] становится реальностью и оказывает влияние на творческий процесс. Об этом говорит характер развития военной прозы, которая сделала значительные шаги по пути художественно выразительного изображения событий прошлого и настоящего («Живые и мертвые» К. Симонова, «Лицом к лицу» Ч. Айтматова, «Третья ракета» В. Быкова» «Оплаканных не ждут» И. Машбаша и др.).

Болезненные процессы в отечественной прозе не просто типологически «повторялись» в адыгейской литературе, они протекали в ней с характерными осложнениями. Это объясняется малым опытом литературы, которая пыталась быстро решить множество эстетических задач и, сократив «дистанцию», догнать развитые литературы. Неровность, сочетание разных уровней художественного изображения, ставшие неотъемлемой чертой нового этапа развития литературы, проявились поэтому в адыгейском искусстве слова с большей силой и подчеркнутой наглядностью. Об этом свидетельствует, прежде всего, развитие прозы на историко-революционную тему. Ее формирование определяется во многом жанровыми и структурно-стилевыми поисками качественно нового этапа в эволюции отечественной литературы. Со второй половины 50-х гг., а затем и в 60-00-е г.г. выходит в свет «Абрек» Т. Керашева, «Воз белого камня», «Улица во всю ее длину», «Глоток родниковой воды» А. Евтыха, «Девичьи зори» Ю. Тлюстена, «Тропы из ночи», И. Машбаша, «Мос Шовгенов» Д. Костанова и др.

В центре внимания названных произведений традиционный конфликт, в основе которого развитие народного сознания в условиях революционных перемен. Суть такой коллизии была продиктована, с точки зрения авторов, самими историческими событиями. Если взять предыдущий этап литературного развития, проблемное и художественно-эстетическое наполнение темы определялось во многом влиянием номенклатурных решений и догматизированных принципов и идеологизированных положений социалистического реализма. С середины 50-х гг. намечается эволюция как исторической, так и историко-революционной прозы. Начало идейно-художественных поисков связано, прежде всего, с творчеством Т. Керашева. Они достаточно четко обозначились в повести «Абрек», вышедшей уже в конце 50-х гг. Отметим, что такую же роль, но уже в родственной кабардинской литературе, сыграл роман А. Шортанова «Горцы» (1954).

Усиление содержательного начала и углубление проблемности становятся характерными и для произведений других писателей, что ведет к эволюции жанровых форм прозы. В это время формируются небольшие по объему, но концентрированные в художественном отношении социально-психологические повествования А. Евтыха («Воз белого камня»), И. Машбаша («Тропы из ночи»), появляется многоплановый роман с элементами автобиографии Д. Костанова (Мос Шовгенов») и т. д.

Показательны в этом плане идейно-эстетические поиски Т. Керашева в повести «Абрек». В центре внимания Т. Керашева тема революционного переворота и связанная с ним линия пробуждения сознания простого народа. Примечательно и то, что автор обращается к часто встречающему в литературе сюжету - истории стихийного бунтаря, который со временем превращается в сознательного борца-революционера. Писатель в то же время пытается углубить содержание повторяющегося мотива, сообщить широту, придать ему общечеловеческое звучание. С этим связано то, что Т. Керашев обращается к личности не только сильной, но и думающей, сомневающейся. Традиционный

мотив наполняется, таким образом, глубоким смыслом. Мерилом личности становятся не только социальные ориентиры, но и общезначимые концепты «добро» и «зло», национальные обычаи и общечеловеческие ценности. Такое усложнение концепции личности определяет обращение писателя к непривычной для национальной литературы форме историко-революционной прозы. Речь идет о мобильной социально-психологической повести, в основе действия которой оказывается повествование о судьбе одного, но характерного персонажа. Т. Керашев не отказывается от традиций многопланового романа, факты реальности не игнорируются, но историко-событийная сторона в этом случае имеет не самостоятельное значение. Она зачастую пропускается через индивидуальное сознание размышляющего героя и воспроизводится в видоизмененной форме. Действие повести строится не столько на поступках действующего лица, сколько на движении настроений, на эволюции внутреннего мира центрального персонажа. Такая манера определяет обращение писателя к внутренним настроениям, несобственно-прямой речи, что обогащает содержание и оказывает влияние на формирование новой жанровой модели прозы.

Роман Д. Костанова «Мос Шовгенов» представил в адыгейской литературе еще одну форму историко-революционной прозы, характерную для отечественного искусства слова. И здесь писатель обращается к привычной коллизии – «выпрямлению» сознания простого труженика под влиянием исторического переворота. Реалистически конкретное многоплановое повествование с множеством коллизий и большим количеством действующих лиц по замыслу должно было воспроизвести суть конфликта эпохи, противостояние различных социальных сил и пробуждение народной массы к новой реальности. Описательность и чрезмерная детализация социально-бытовых реалий, идущие от детерминистской концепции революционного реализма, в ее традиционном понимании, безусловно, оказывают влияние на писательскую манеру Д. Костанова. Автор в то же время стремится преодолеть схематизм и совместить исторически объективное с национальной конкретностью и психологически мотивированным изображением. Он обращается к достоверной жизни адыгейского села, социально-историческим реалиям сложного времени конца XIX-го начала XX века. Так предпринимается попытка объединить эпопейную традицию с аналитически углубленным показом акцентированных характеров.

Следует отметить вместе с тем, что определяющим художественную картину все же оказывается то, что в центре повествования оказывается образ известного, исторически достоверного героя-революционера Моса Шовгенова. Эпический рассказ о событиях минувшей жизни, объединенный творческой фантазией и объективированный в то же время реалистической манерой, должен был обогатиться достоверной историей, документальными фактами о судьбе известной личности. Таким образом Д. Костанов стремится усилить художественную проблемность и углубить концепцию личности. Это решение потребовало особой концентрации художественных средств и глубокого психологического анализа. Свою роль сыграло и то, что «роман судьбы» в силу своих структурно-стилевых особенностей ведет к многообразию поэтических средств. Анализ показывает, что Д. Костанов стремился модернизировать описательную манеру многопланового романа путем углубления художественного исследования и формирования индивидуализированных персонажей.

Попытки переноса внешнего конфликта во внутренний мир персонажа, а также движение к

синтезированному художественному мышлению действительно проявляются в романе, но это касается больше второй книги произведения. Изменения в творческом почерке писателя должны были привести также к эволюции жанровой формы историко-революционного романа. Но действия, связанные с авторским решением проблемы, оказались робкими и половинчатыми. Как отмечает Р. Мамий, «событийная насыщенность, многочисленные информационные подробности, перегружая художественную ткань, часто не оставляют места для психологического обоснования характеров, в особенности главного героя» [5: 159]. И все же образ исторически достверного героя, поставленного в центр повествования, привел к обновлению традиций многопланового описательного романа. Надо отметить и то, что соединение художественных возможностей «романа-судьбы», романа-биографии и средств эпически многопланового историко-революционного повествования становится характерной особенностью развития всей отечественной прозы. Об этом свидетельствует практика формирования творческих явлений разных национальных литератур. В качестве примера можно назвать повесть осетинского писателя С. Джанаева «Хадзымат», произведение казахского прозаика Х. Есенджанова «Яик - светлая река», роман украинского автора А. Головко «Артем Гармаш» и др.

Типологические особенности нового, «современного» этапа художественно-эстетического развития отечественного искусства слова выразились с большой достоверностью в произведениях А. Евтыха «Воз белого камня» и И. Машбаша «Тропы из ночи». Внимание каждого из писателей как бы сосредоточено, согласно традиции, на образе героя из народа, который перестраивается сравнительно быстро и становится на путь революционных перемен – это Шариб из романа И. Машбаша, Мос Жуко из повести А. Евтыха. Но эти герои, как показывает анализ, отодвигаются со временем на задний план, уступая место сильным, внутренне сложным и драматичным по содержанию персонажам, приходящим к правде века через труднейшие испытания и трагические ошибки. Джамболат из романа «Тропы из ночи» И. Машбаша, сам зараженный пороками старых представлений, в качестве выхода вначале выбирает корыстный путь. Он планирует жениться на дочери богача, чтобы таким образом «выбиться в люди». Так автор осложняет конфликт и оживляет художественный рисунок. Писатель, как видно, выбирает трудный, но и более правдоподобный путь постепенного «революционного выпрямления» судьбы заблуждающегося героя. Стремясь преодолеть стереотипные подходы, характерные для традиционного историко-революционного романа, И. Машбаш использует драматический сюжет и противоречивые коллизии. Сделав шаг к теме революционного перерождения сознания героя, А. Евтых в романе «Воз белого камня» обращается к другому варианту мотива, в центре которого искренний, глубоко порядочный интеллигент, сочувствующий страданиям миллионов и идущий к «новой правде» трудным путем и с немалыми потерями.

Как показывает анализ, в центре повествования И. Машбаша и А. Евтыха оказываются на самом деле герои сложные, колеблющиеся, долгое время пребывающие на распутье и через непростые искания находящие путь к правде века. Коллизии, связанные с образами Моса Жуко, Чапа в повести А. Евтыха «Воз белого камня» оправданы замыслом и развитием конфликтного начала. Они содержательны и несут на себе определенную идейно-художественную нагрузку, но сюжетно-композиционный центр произведения со временем

смещается, и все внимание переключается на новый по содержанию образ. Так появляется фигура хаджи Колокова, героя противоречивого, не сразу разобравшегося в сути революции и с трудом сделавшего необходимый исторический выбор.

Движение в сторону глубокого осмысления главных коллизий историко-революционной прозы и связанное с ним усложнение концепции личности вызвали в названных романах изменения жанровых и структурно-стилевых форм художественных явлений. А. Евтых и И. Машбаш уделяют определенное место событиям, то есть внешней стороне сюжета. При характеристике персонажей они обращаются к социальным мотивам поведения, быту, национальным отношениям, этнографическим деталям. Согласно замыслу и конфликту, четко расставленными оказываются и группы персонажей, принимающих участие в действии. Такая правдоподобная картина оказывается необходимым антуражем поэтического мира, но не она на самом деле оказывается определяющей стороной творческого почерка авторов. Главным оказывается конфликт, предельно усиленный и обостренный, который переносится во внутренний мир героя. Внимание при этом сосредоточивается на сложной трансформации личности под влиянием революционных перемен, на его медленном и трудном движении к настоящей правде.

Обострение гуманистического содержания исторического переворота, стремление показать его суть через изображение драматических судеб индивидуализированных персонажей ведет писателей к формированию мобильных и синтезированных жанровых форм – социально-психологической повести («Воз белого камня» А. Евтыха), аналитическому роману акцентированных проблем и психологически емких характеров («Тропы из ночи» И. Машбаша). Следует отметить, что такие особенности историко-революционной прозы становятся характерными для романа чеченского писателя Р. Мамакаева «Мюрид революции», повести осетинского автора М. Цагараева «Пастух черной горы» и других произведений писателей северокавказского региона. Это говорит об усилении типологических связей национальных литератур и наполнении их новым содержанием на новом этапе развития.

Примечания:

1. Панеш У.М., Соколова Г.В., Сосновский В.Т. О жанровых и структурно-стилевых особенностях исторической и историко-революционной прозы в адыгейской литературе 60 – 80-х гг. XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2017. Вып. 2 (197). С. 157-162.

2. Гусейнов Ч. Этот живой феномен. Москва, 1988. 430 с.

3. Горбачев М. Социалистическая идея и революционная перестройка // Правда. 1989. 28 ноября.

4. Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1.

5. Мамий Р. Г. Современный адыгейский роман // Ученые записки АНИИ. Т. XVIII. Майкоп, 1973.

References:

1. Panesh U.M., Sokolova G.V., Sosnovsky V.T. On the genre and structural-stylistic features of historical and historical-revolutionary prose in Adyghe literature of the 60s-80s of the 20th century // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2017. Iss. 2 (197). P. 157-162.

2. Guseynov Ch. This living phenomenon. Moscow, 1988. 430 pp.

3. Gorbachev M. Socialist idea and revolutionary perestroika // Pravda. 1989. November 28.

4. Zolotussky I. The collapse of abstractions // New World. 1989. No. 1.

5. Mamy R.G. Modern Adyghe novel // Scientific Notes of ANII. Vol. XVIII. Maikop, 1973.